

Михаил Волконский

КОЛЬЦО
ИМПЕРАТРИЦЫ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Кольцо императрицы / М. Волконский. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 418 с.

ISBN 978-5-521-06156-3

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) – русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

События романа «Кольцо императрицы» разворачиваются на фоне жизни России XVIII века. Обедневший дворянин приезжает на поиски счастья в Петербург и, по воле случая, спасает жизнь будущей императрицы Елизаветы Петровны, которая в знак благодарности дарит ему золотое кольцо. Но что принесёт главному герою роскошный подарок и чем закончатся его удивительные приключения в мире дворцовых тайн, любви, дружбы и большой политики?

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-06156-3

© T8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
Вместо предисловия	7
Глава первая. Сильный человек.....	15
Глава вторая. Семейство Соголевых.....	43
Глава третья. Смерть старика-нищего	68
Глава четвертая. Первые шаги.....	87
Глава пятая. Ополчинин	109
Глава шестая. Шум лесной.....	129
Глава седьмая. Слоны персидского шаха	149
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	167
Глава первая. Письма к графу Линару	169
Глава вторая. 25 ноября.....	187
Глава третья. Награжденные и наказанные	205
Глава четвертая. Проигранная ставка.....	233
Глава пятая. Пропавшее кольцо.....	247
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	271
Глава первая. Помощь в помощи	273
Глава вторая. Несчастные.....	288

Глава третья. В старой Москве.....	305
Глава четвертая. Не все еще кончено.....	345
Глава пятая. Шведские дела	367
Глава шестая. Дом на Фонтанной	390
Глава седьмая. Веревка нищего.....	406

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вместо предисловия

После кончины императрицы Анны Иоанновны русский престол перешел к младенцу Иоанну Антоновичу, а регентом стал герцог Курляндский Бирон. Однако на этом посту он оставался меньше месяца — 8-го ноября 1740 года Бирон был арестован по повелению Анны Леопольдовны, матери младенца императора Иоанна Антоновича, и она объявила себя регентшей на место арестованного.

Общие ожидания сошлись на том, что этот арест недавнего временщика и полного вершителя судеб России повлечет за собою неминуемое падение его приближенных, друзей и вообще лиц, пользовавшихся его покровительством. Однако таких людей нашлось немного. Вместе с Бироном были арестованы только кабинет-министр Бестужев, брат герцога Густав да немец Бисмарк, не имевший почти никакого значения, кроме своей близкой связи с бывшим регентом.

Оставался еще старик Остерман, занимавший видное положение государственного канцлера и, как было известно всем, игравший в руку Бирона, благодаря которому он собственно и держался. Правда, он обладал большими дипломатическими способностями и опытом долговременной служебной практики, однако ни это видное положение, ни высокое звание не могли спасти старика, если не мог спастись сам Бирон, положение которого было еще виднее, а могущество и сила еще значительней.

В ночь ареста регента, с восьмого на девятое ноября, «знатные обоего пола персоны» собрались во дворец для присяги новой регентше и тихо перешептывались, огля-

дывая друг друга и стараясь найти тех, кого недосчитывались. Недосчитались Бестужева, Густава Бирона; о Бисмарке забыли и искали глазами Остермана. Его не было. Кто говорил, что он уже арестован, кто выдавал за верное, что старик хитрит и прикинулся больным, что он делал всегда при важных переменах во дворце. Наконец его пронесли в кресле по дворцу к правительнице.

Остерман, сидя у себя дома уже совсем одетый и готовый для выезда во дворец после получения первого же известия об аресте Бирона, ждал подтверждения справедливости этой вести и, получив его от своего шурина Стрешнева, велел везти себя во дворец.

Здесь увидели, что он не арестован, но это не могло еще закрыть рты и прекратить толки и догадки. Решили, что, разумеется, нельзя было арестовать так вдруг канцлера, в руках которого были все нити дипломатической переписки с иностранными дворами. Нужно было сначала принять от него дела, сложные и запутанные, во многих отношениях известные только ему.

Остерман ночью уехал из дворца очень скоро, и после его отъезда в толпе, наполнявшей дворцовые покои, разнесся слух, что он был принят правительницей очень сухо и что ему приказано на другой день явиться со всеми бумагами для личного объяснения с Анной Леопольдовной. Не было сомнения, что завтра, когда Остерман сдаст свои бумаги и дела правительнице, он будет арестован.

В назначенный час Остерман приехал во дворец, или, вернее, его привезли туда, опять больного, в кресле, опять закутанного в одеяло, с вечным его зеленым зонтиком на глазах. Его пронесли прямо во внутренние покои правительницы и поместили у стола, достаточно большого, что-

бы разложить на нем все бумаги, которые заключала в себе привезенная Остерманом толстая кожаная сумка.

Слуги вышли. Остерман остался в комнате один. Он не изменил своего положения, ни одно движение не выдало его. Он, и один оставаясь в покоях Анны Леопольдовны, продолжал казаться больным, с трудом двигающимся стариком. Медленно достал он на груди золотой ключик, медленно вложил его в замок сумки, отпер ее и стал доставать одну за другою бумаги и выкладывать их на стол.

За дверью послышался шорох. Остерман и не сомневался, что там уже давно стоят и, вероятно, наблюдают за ним в щелку. Ручка у двери наконец двинулась, и в комнату несколько более, чем нужно, широкими шагами, как бы подбадривая себя, вошла Анна Леопольдовна.

Вчера ночью, после только что совершенного ею переворота, сгоряча, она еще могла заставить себя затянуться в твердый корсет, надеть узкие туфли на высоких каблуках и неловкое, нелюбимое ею, стеснительное платье на фижмах, но сегодня Остерман увидел ее опять прежнюю Анною Леопольдовною, такую, какою видел ее обыкновенно в будние дни, а не на балах и праздниках, которых она не любила и посещала очень редко. На ней был широкий шелковый, очень удобный капот с большою складкою сзади и шлейфом. Голова была повязана платком.

Правительница вошла, видимо, желая казаться строгой, быть может, величественной и во всяком случае недовольной и сердитой, с сжатыми губами и насупленными бровями. Но по тому, как она вошла, села, не взглянув, к столу и положила на него руку, как садятся женщины, входя в детскую, где ждет их няня с докладом о ребенке,

и сразу потребовала от Остермана, не поздоровавшись с ним, сдачи «всех» дел, он убедился еще раз, что она ни строгой, ни сердитой, ни величественной, ни даже деловой быть не может. Тонкие губы Остермана двинулись улыбкой, но так, что Анна Леопольдовна не могла заметить это, и он начал свой доклад.

— Из Парижа наш посол пишет... — заговорил он.

— Князь Кантемир? — переспросила Анна Леопольдовна, делая снова усилие нахмурить брови.

Снова по губам старика скользнула незаметная для нее улыбка, как бы говорившая, что это еще не велика штука знать, кто наш посол в Париже, и дело вовсе не в том, а затем он начал докладывать правительнице содержание письма Кантемира.

Положение европейских дел было сложное, запутанное: Франция интриговала против нас в Швеции и в Турции, боясь нашего усиления и помощи с нашей стороны своим врагам; Пруссия начинала приобретать силу и значение; России нужно было считаться с Польшею и там поддерживать свое влияние. Нужно было не только знать, понимать и чувствовать все эти отношения, но жить ими, чтобы сразу охватить смысл парижского письма, служившего продолжением переписки, которую вели между собой люди, хорошо знающие все дело, и по тем нескольким вопросам, которые сделала Анна Леопольдовна во время доклада, Остерман увидел, что ей дело известно даже менее, чем мог он предполагать.

Он сделал несколько разъяснений, но они, видимо, не интересовали правительницу. Она делала свои вопросы лишь для того, чтобы показать, как она думала, что отлично понимает все, и этим лишь выдавала себя.